ИЛЬЯ ЧУМАК

ЖИВАЯ РОССЫПЬ

Новеллы

...Сжимать, стискивать, уважать и внимание и время читателя.

В. Вересаев.

***

По степной проселочной дороге шли два солдата — после победы, после полного разгрома врага возвращались домой. Однополчане и земляки. И, конечно же, друзья, хотя один из них уже был при серебряных висках, а другой совсем юн, юн, как тот молодой месяц.

Шли счастливые и веселые, один — все время насвистывая, другой—напевая, но когда заметили невдалеке от своей дороги обелиск фронтовой братской могилы, опустили головы и притихли. Как далеко еще было от этих мест до Берлина! Не прошли до него и полпути, и вот погибли...

И юный солдат, вдруг сбросив на дорогу свой вещевой мешок, сказал:

— Разреши, дядя Ваня, я мигом. Хочу постучать им, чтоб сообщить о нашей победе.

— Не разрешаю, — ответил дядя Ваня. — Разве не видишь, что там посажены цветы? Истоптать их хочешь?

И уже потом, когда пошли дальше, добавил:

— Да и ни к чему это, Гриша. Про то, что мы победим, они сами отлично знали. Знали еще тогда, хоть, может быть, были здесь в железном кольце...

***

Жила Прасковья Ивановна одна-одинешенька. Сыновья забыли о ней. Да на них она и не обижалась. Знала, что как у Владимира, так и у Петра, уже свои семьи. Скребло сердце лишь одно: чтобы вырастить их, отказалась в своей молодости от всех радостей в жизни, билась в этой жизни, как подстреленная горлица, а они, ее дорогие сыночки, в помощь до сих пор не прислали даже рубля.

— А ты, Ивановна, зря молчишь, — говорили ей соседки. — Возьми и подай на них в суд.

— Да я уже думала, — отвечала Прасковья Ивановна. — Но у них детей много. Были бы инженеры, а то ведь плотники.

Так продолжалось долго-долго. Год, два, три, а может быть, и все десять.

— Подавай, Ивановна, подавай! Они же обязаны, и закон такой есть.

И когда она все же согласилась, в суд пришли целой толпой. Чтоб подтвердить правду.

Какое решение вынес суд, до сознания Прасковьи Ивановны вначале не дошло. А когда наконец дошло, в отчаянии заломила руки и сквозь безудержные рыдания запричитала:

—Да что ж вы наделали, граждане судьи! Неужто в вас сердца нет? Мыслимо ли отнимать у них из зарплаты каждый месяц по пятнадцать рублей. Ой, граждане судьи, ну что вы наделали?..

***

—Так, говоришь, опять они чтось затевают? А я, представь себе, еще ничего и не знаю. Радио у нас испортилось, а газеты привозят от случая к случаю. Ведь кошара моя самая дальняя. Летом еще ничего, а в распутицу—забывай всех. Уж такова наша чабанская доля.

Значит, опять? Вот супостаты! Ну ты не стой, присаживайся на траву—тарантулов в нашей степи сейчас нет. Если куришь, могу угостить. Серебрячок тут, в кисете, отменный.

Так, значит, опять. Но знаешь, что я тебе скажу: не получится у них ничего. Это же не какая-нибудь там Трапезундия, а Россия. Дело будут иметь не с Магомедом, а с Иваном. Как это мне говорил покойный отец... погоди, сейчас вспомню. Да про этого самого Ивана.

Ага! Диву даюсь, говорил, какое только ни придумывают там, за границей, смертоубийство для нашего Ивана, а он, знай себе, косит, сеет да косит. Ружья заменили на штуцеры, ядра на шимозы, а нет, Иван как косил, так и косит. Шрапнель применил и чемоданы там разные, даже удушающий газ, а все равно тот, как ни в чем ни бывало, выходит на зорьке со своей косой в поле. Вот, кажись, все — и кусков не осталось от него после взрыва снаряда, а глянут в свои подзорные трубы и глаза затаращат: опять Иван косит...

Уверяю, что так произойдет и теперь.

***

Просто недоумевали: зачем Крымарь, такой старый, опытный пчеловод, решил той весной вывезти колхозную пасеку на опушку Темного леса. Медоноса там почти не было, да и этот страшный лес: там до сих пор скрывался Санька-Дрозд— оголтелый бандит и изменник. Тем более, что еще тогда, при фашистах, едва не засек старика плетьми насмерть—якобы за связь с партизанами, а скорее всего за то, что тот не дал ему поживиться дармовым медом.

Уговаривали, что это и невыгодно и опасно, но Иван Тимофеевич настоял на своем. И настолько упрямо и твердо, что ему не посмел возразить даже, председатель колхоза, сам бывший пчеловод.

Старый Крымарь, казалось, рехнулся, и как все обрадовались, когда уже через неделю он явился в правление колхоза и сказал:

—Прошу сегодня же перевезти мою пасеку на гречиху.

—Сегодня же,— усмехнулся председатель колхоза.— А о чем ты думал раньше?

—Теперь об этом не думаю,— спокойно ответил Иван Тимофеевич.— Что задумал, то уже сделал. Вчера так щедро угостил медком первой качки изголодавшегося Саньку-Дрозда, что он к утру сгорел. С насекой можно прихватить и его - он лежит возле моей криницы.

***

Смертельно раненный генерал наконец понял, какие у него были друзья. Пока он был здоров, все находились у его локтя. А вот сейчас, когда он потерял уже все, рядом с ним не оказалось никого.

— Окликните хоть моего адъютанта,— прохрипел генерал, уже задыхаясь.

— Не могу, — ответила ему из глубины блиндажа связистка Таня.—Он тоже пошел вместе с другими в штыки.